

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Алые губки – мягкий дурман

«Научная книга»

Серова М. С.

Алые губки – мягкий дурман / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Частный детектив Татьяна Иванова)

К частному детективу Татьяне Ивановой обращается Лидия Вахрушева с просьбой вынудить ее бывшего мужа, хозяина мебельной фабрики, дать деньги на операцию дочери. Пожалев женщину, Иванова берется за работу и с удивлением обнаруживает, что на мирном предприятии существует режим особой секретности, а по вечерам происходит внеплановая отгрузка мягкой мебели. Как ни парадоксально, разобраться со столь таинственными происшествиями знаменитой сыщице проще, чем с зарвавшимся папашкой, пожалевшим толику своих богатств для спасения собственной дочери...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Марина Серова

Алые губки – мягкий дурман

Глава 1

Я вернулась домой, нагруженная множеством пакетов и коробок.

Вчера я наконец-то закончила расследование, за которое получила рекордное вознаграждение, потому сегодня до встречи с новой клиенткой прошла по тарасовскому Арбату, то есть по улице Немецкой, и практически полностью обновила свой летний гардероб. Нет, мои прежние платья, юбки, топики, блузки еще не вышли из моды, но в них я уже так засветилась во время своих последних разборок, что обновки стали просто необходимы. То, что другие женщины надевают на вечеринки или на загородные прогулки, для меня является рабочей спецодеждой. Поэтому даже вечернее платье я выбирала сегодня, исходя из того, чтобы в случае необходимости можно было бы и в нем применить приемы карате или перемахнуть через забор. Уж что поделаешь, ведь я – частный детектив и различные экстремальные ситуации подстерегают меня на каждом шагу!

Я посмотрела на часы – времени на то, чтобы примерить все накопленное барахлишко, уже не оставалось, потому что с минуты на минуту должна была пожаловать Лидия Петровна Вахрушева. Так представилась вчера по телефону женщина, обратившаяся ко мне за помощью. Но я не могла отказать себе в том, чтобы не примерить огненно-рыжий парик, который купила просто так, на всякий случай. Продащица меня отговаривала от этой покупки, так как, по ее мнению, рыжий цвет мне не к лицу и было бы лучше остановить свой выбор на жгуче-черных или пепельно-фиолетовых оттенках. Я в душе была с ней согласна, но все же купила рыжий парик. Теперь я смотрела в зеркало и не узнавала сама себя, а это означало, что покупка оказалась удачной. Для частного детектива смена имиджа до неузнаваемости – это порой половина успеха в расследовании.

Раздался звонок в дверь, и я ее открыла, не снимая парика. Русоволосая миловидная женщина лет тридцати пяти с удивлением посмотрела на мою рыжую шевелюру и спросила:

– Вы Татьяна Иванова, частный детектив?

– Да, проходите, – ответила я, приглашая Лидию Петровну войти.

– Я представляла вас несколько иначе, – все еще с недоверием проговорила Вахрушева. – Мне посоветовала обратиться к вам моя знакомая Ольга Терентьева. Она описывала вас по-другому...

Я сняла парик, придавший мне безграничную легкомысленность, и положила на тумбочку около зеркала.

– Да, я помню, что вы по рекомендации Терентьевой. Усаживайтесь, куда вам будет удобно, – показала я рукой на кресло или диван. – Я вся внимание...

Лидия Петровна молча расположилась на краешке дивана, не выпуская из рук сумочку. Я уж было подумала, что она так и не начнет свой рассказ без моих наводящих вопросов, но ошиблась. Вахрушева собралась с мыслями и стала довольно стройно и обстоятельно излагать суть своего дела.

– Семь лет назад я разошлась с мужем. Мы жили не в Тарасове, а в поселке Текстильщик, в сорока километрах отсюда. Он сразу же переехал в Тарасов к своему деду, а я с двумя дочками так и живу в Текстильщике. Муж регулярно присылает мне алименты по исполнительному листу, а вот общаться с девочками – не общается...

После этих слов Лидия Петровна замолчала. Вероятно, на нее нахлынули не слишком приятные воспоминания. А я впервые подумала о том, что эта женщина вряд ли располагает

средствами, чтобы оплатить мои услуги. Вообще-то я никогда не занималась благотворительностью и даже подняла в последнее время расценки, но сразу сказать об этом Вахрушевой я почему-то не решилась.

– В этом году у нас была встреча выпускников. Мы с Ольгой учились в одном классе, правда, тогда она была не Терентьевой, а Шликовой... Вот Ольга-то и сказала мне, что мой бывший муж, Николай Константинович Вахрушев, с тех пор как переехал в Тарасов, очень многого достиг. В Текстильщике он работал водителем на текстильной фабрике, а сейчас будто бы является генеральным директором мебельной фирмы «Нинель». Вообще-то, алименты с мебельной фабрики и приходят, но если учесть, что это одна треть его зарплаты, то получается, что зарплата генерального директора весьма небольшая...

– А что же вы хотите? Кругом сплошной «черный нал», – пояснила я. – Наверняка официально, по документам, зарплата у директора не больше трех тысяч, но фактически его доходы во много раз больше...

– Да, вы отгадали, именно тысячу рублей мне ежемесячно и присылают. Я бы и не жаловалась на жизнь. У меня подсобное хозяйство – сад, огород, куры, но вот Катеньке, младшей дочери, операцию на сердце надо делать, а на это денег не хватает...

Я еле сдержала себя, чтобы тут же не заявить, что и мои услуги весьма недешевы. Обычно не составляло труда «отшивать» тех клиентов, которые жадничали, хотя я знала, что они очень и очень состоятельные люди и могут дать больше, чем первоначально предлагают. Однако сейчас был другой случай.

– А почему бы вам, Лидия Петровна, не поговорить с бывшим мужем? Может быть, если бы вы рассказали ему о болезни вашей общей дочери, он бы раскошелился?

– Я пыталась, – сразу же отозвалась Вахрушева, – но он сказал, что если я буду тянуть из него деньги, то даже этой тысячи могу лишиться.

– Прямо так и сказал? – возмутилась я, чисто по-человечески понимая проблемы женщины, сидящей передо мной.

– Да, так и сказал. Ольга тоже пыталась с ним поговорить, но он буквально вытолкнул ее из офиса.

– Ольгу Терентьеву? – переспросила я, вспомнив эту женщину – далеко не робкого десятка, очень коммуникабельную и весьма привлекательную внешне, которая была свидетельницей в одном непростом расследовании. – В это трудно поверить! По-моему, Ольга может за себя постоять...

– Да, вы правы, Ольга с детства была сорвиголовкой. Но надо знать моего бывшего мужа, чтобы поверить в такое...

– Лидия Петровна, а почему вы разошлись? – спросила я, хотя еще не была уверена, что возьмусь за это дело. Сейчас во мне скорее говорило женское любопытство.

– Он закрутил роман с Нинкой Червяковой. Кстати, у нее огненно-рыжие волосы, точь-в-точь как ваш парик, поэтому я и остолбенела, когда вы, Татьяна, открыли мне дверь. Мне вдруг привиделось, что это она... Короче, об их связи судачил весь поселок, а я узнала в самую последнюю очередь, от родителей. Мой отец настаивал, чтобы я подала на развод. Николай все отрицал, хотя я потом даже застала его с Нинкой. После этого он стал обвинять в неверности меня и говорил, будто бы Катька вообще не его дочь. Поэтому-то он и слушать не стал, когда я позвонила и сказала, что ей надо делать операцию.

– Лидия Петровна, вы должны быть со мной откровенны. Может быть, он прав? – спросила я, наблюдая за реакцией Вахрушевой.

– Ой, Танечка, что вы! – абсолютно искренне возразила Лидия Петровна. – Все его слова – чистейший вымысел, чтобы оправдать свое распутство. Он такой по характеру: ему слово скажешь, а он в ответ двадцать, да все вранье! Когда мы разошлись и он с Нинкой в Тарасов уехал, я себя человеком почувствовала. Он хоть перестал меня унижать. Вот у моих родите-

лей были совсем другие отношения. Я схоронила их обоих в прошлом году, и после этого мое материальное положение, естественно, ухудшилось. Танечка, поймите, я обращаюсь к вам только из-за своей дочери. Лично мне от него ничего не надо...

Я поняла, что настал тот момент, когда я должна сказать Вахрушевой свое окончательное решение: берусь я за ее дело или нет. Мне было очень сложно на что-то решиться, потому что не было уверенности в том, что, взявшись за эту работу, я смогу помочь женщине и ее больной дочери. И сейчас напряженно думала, проигрывая в уме несколько вариантов. Я больше склонялась к тому, чтобы деликатно объяснить Вахрушевой, что дело ее почти безнадежное, поскольку заставить бессердечного человека раскошелиться законным образом невозможно. А пренебрегать законом, рисковать своей свободой, здоровьем и репутацией на голом энтузиазме я не намерена. Я – частный детектив, а не представитель благотворительного фонда!

Я закурила вторую сигарету, продолжая анализировать создавшуюся ситуацию. Лидия Петровна не торопила меня, молчала, ничем не привлекая к своей скромной персоне внимания. Я точно знала, если бы она расплакалась или начала всячески давить на мою жалость, то моя реакция была бы обратной – я бы поскорее выпроводила ее, потому что не люблю человеческую слабость. Однако Вахрушева держалась с достоинством, и я прониклась к ней уважением. А вот ее бывший муженек, отказывающийся от своей собственной дочери, которая к тому же нуждается в материальной поддержке, которую он вполне способен оказать, начинал вызывать у меня бурю негативных эмоций. Но этого было мало для того, чтобы взяться за дело.

В данном случае я не могла дать клиентке никаких гарантий. Позволить себе рисковать репутацией, когда весь Тарасов знал, что Татьяна Иванова еще не провалила ни одного дела? Та же Ольга Терентьева разнесет по всему городу, что я стала терять квалификацию, ведь она держит рекламное агентство и общается со многими известными людьми. Я понимала, что выиграть это дело можно только шантажом, накопав на Вахрушева какой-нибудь компромат. Однако у меня не было уверенности в том, что таковой имеется. Вполне может быть, что Вахрушев законопослушный гражданин. И тут я вспомнила о своих двенадцатигранных магических помощниках – гадательных костях, которые столько раз подсказывали мне ответы на неразрешимые, казалось бы, вопросы. Это было моей спасительной соломинкой, я потушила третью сигарету, едва ее закурив, решительно встала, подошла к тумбочке в прихожей, на которой лежал рыжий парик, достала из ящика три двенадцатигранника и метнула их прямо в выдвинутом ящике. Вопрос, ответ на который я хотела получить, уже давно и прочно сидел в моей голове, поэтому никакой дополнительной настройки на восприятие информации не требовалось. Я просто хотела узнать, стоит ли мне браться за дело Вахрушевой.

Кости показали сочетание: 18+12+34, что означало: «Вы будете приятно удивлены тем, как стремительно события приобретут благоприятный для вас оборот». Толкование было однозначным, поэтому я вернулась в комнату и сказала Лидии Петровне, что берусь за ее дело.

– Спасибо, – сдержанно поблагодарила Вахрушева и, опередив мое следующее заявление, добавила: – Ольга говорила, что ваши услуги недешевы, она дала мне денег, чтобы я могла расплатиться. Вот посмотрите, этого достаточно?

Я взглянула на несколько купюр евро. Это было гораздо меньше, чем я получила за последнее дело, но значительно больше, чем хотела запросить сейчас. Я поняла, что именно на такую сумму Ольга Яковлевна Терентьева оценила хамство Вахрушева по отношению к своей персоне, и утвердительно кивнула головой.

– Так, теперь давайте обсудим детали, – убирая новенькие купюры евро в шкаф, сказала я. – Для начала мне нужны фотографии вашего бывшего мужа, если, конечно, у вас они сохранились, квитанции переводов алиментов и, желательнее, медицинские справки, подтверждающие болезнь дочери.

– У меня они есть, – с готовностью сообщила Вахрушева. – Но само направление на операцию я вам отдать не могу, только ксерокопию. Ольга мне сказала, что все это может понадобиться.

– Давайте, – согласилась я и удивилась прозорливости Терентьевой. – Да, Лидия Петровна, напомните мне телефончик вашей подруги, мне не помешает поговорить и с ней.

Вахрушева достала из сумочки записную книжку и небрежно отбросила опустевший теперь ридикюль в сторону. Я невольно улыбнулась тому, как бережно Лидия Петровна прижимала к себе сумку, пока в ней лежали деньги, и как швырнула ее сейчас. То, что я зарабатывала за несколько дней, было для Вахрушевой целым состоянием. Теперь мне предстояло выяснить, что значат деньги в жизни ее бывшего мужа, и в зависимости от степени его жадности предъявить ему соответствующий счет в пользу бывшей жены.

* * *

Я проводила Лидию Петровну и тотчас стала выстраивать в голове план оперативных действий. Была уже вторая половина дня, поэтому свое знакомство с Николаем Константиновичем Вахрушевым я решила перенести на завтра. Однако сидеть без дела я не могла, такой уж у меня характер: едва новая работенка находила меня, я тут же, как одержимая, бросаюсь ее выполнять, невзирая на дни недели, погоду, лунные и солнечные затмения, а также мировые катаклизмы. Я решила, что могла бы сегодня поговорить с Ольгой Терентьевой, послушать ее версию противостояния бывших супругов Вахрушевых.

Интуиция подсказывала мне, что необходимо явиться к моей старой знакомой без предварительного звонка, не дав ей подготовиться к нашей встрече. Я сравнила номер телефона, который мне дала Лидия Петровна, с тем, который у меня был, удостоверилась, что Ольга Яковлевна проживает там же, где мне доводилось с ней встречаться, и без промедления вышла из дома.

На лобовом стекле моей бежевой «девятки» появилась нарисованная черным маркером черепашка. Это обстоятельство заставило меня внимательно оглядеть машину снаружи и осмотреться по сторонам. Во дворе было безлюдно, что вполне объяснимо: в такую жару даже старушки не вылезали из своих квартирок, потому лавочки и пустовали. Кто-то, не опасаясь свидетелей, мог легко не только нарисовать угрожающий знак, но и проколоть шины или даже подложить бомбу.

Вопреки моим предположениям резина оказалась целой, замки на дверях целыми, а днище свободным от посторонних предметов. Я открыла дверцу, достала губку, включила дворники и стерла чье-то художество. Скорее всего, это просто хулиганили местные пацаны, но смутное предчувствие того, что некто обиженный объявил мне войну, закралось в душу. Нет, меня это несколько не испугало, а только вызвало насмешку, поскольку серьезный для меня противник не может и не должен так глупо себя вести.

Я свернула на улицу Зарубина, а затем въехала во двор девятиэтажки. Несколько месяцев назад Терентьева постоянно твердила о том, что к лету обязательно переедет в район набережной, причем выберет такую квартиру, чтобы окна непременно выходили на Волгу. Я вполне понимала ее желание, поскольку окна ее теперешней квартиры, находящейся на первом этаже, смотрели на мусорные контейнеры. Естественно, для такой творческой натуры, как Ольга Яковлевна, подобный пейзаж был просто невыносим. Я помнила, что Терентьева закончила архитектурное отделение Тарасовского политехнического института, занималась дизайном офисных помещений, а потом организовала свое рекламное агентство. Теперь мне не давала покоя мысль о том, что уж больно гладко для выпускницы сельской школы сложилась у нее карьера! Вот и земляк ее, Вахрушев, тоже в Тарасове хорошо развернулся...

Я нажала на малиновую кнопку дверного звонка. Переливчатая мелодия долго оставалась без ответа, но мне не верилось, что в квартире никого нет. Когда я входила в подъезд, мне показалось, что из открытой настежь кухонной форточки тянуло сигаретным дымом. Я решила дать понять, что отступить от своих намерений не собираюсь, и снова нажала на кнопку звонка.

Дверь открыл обнаженный по пояс мужчина высокого роста и спортивного телосложения. Мой взгляд уперся в его волосатую загорелую грудь.

– Вы к кому? – спросил мужчина красивым баритоном.

Я подняла глаза от груди к его лицу, отметила про себя, что и на лицо он довольно симпатичен, хотя и не в моем вкусе, и ответила:

– Я к Ольге Яковлевне.

– Проходите, но она плохо себя чувствует. Мы были на островах, и Ольга обгорела на солнце, – пояснил обладатель красивого голоса и тела.

– Да, я понимаю, что не совсем вовремя, но у меня важное дело...

– Проходите прямо сюда, – услышался женский голос из спальни.

Мужчина жестом руки подтвердил приглашение хозяйки зайти в ее покои, но от меня не скрылось промелькнувшее на его лице недовольство. Было ясно, что меня здесь не ждали, а значит, я правильно сделала, что не предупредила о своем визите. Эффект неожиданности в моей детективной практике всегда давал хорошие результаты.

Ольга Яковлевна Терентьева лежала на животе в одних трусиках на круглой белой кровати и смотрела телевизор. Спина Ольги своим цветом напоминала панцирь вареного рака и была намазана каким-то жирным средством, и я не удержалась от совета:

– Насколько я знаю, не кремом, а спиртом или водкой надо ожоги обрабатывать, а лучше в аптеке специальную пену купить...

– Володя! – крикнула обгоревшая на волжском солнышке Ольга Яковлевна. – Сходи, пожалуйста, в аптеку, купи пену от ожогов.

– Такая бывает? – недоверчиво спросил Владимир. – Может, без лекарств обойдется?

– Нет, я думаю, что спина может покрыться волдырями, – сказала я, не щадя Терентьеву.

Ее муж пожал плечами, вышел из спальни, и скоро мы услышали стук закрывшейся двери.

– Не думала я, что вы, Татьяна Александровна, ко мне пожалуете, да еще так скоро, – выключив телевизор, но продолжая лежать на животе, сказала Ольга. – Лидуся, наверное, уже ввела вас в курс дела. Однако я-то здесь при чем?

– Вот именно, вы тут явно при чем-то, – многозначительно проговорила я, но не стала Терентьеву долго томить догадками. Нам надо было обсудить все серьезные вопросы, пока не вернулся из аптеки ее муж. – Именно вы, Ольга Яковлевна, подкинули своей подруге идею выкачать из бывшего супруга побольше денег, и вы оплатили мои услуги, – напрямую начала я. – Лично мне все это видится так, будто заказчицей являетесь вы, а не Лидия Петровна Вахрушева.

После моих слов Терентьева выпучила глаза, от чего еще больше стала похожа на вареного рака, но не нашла слов, чтобы мне возразить. Я продолжала на ходу строить версию.

– Я так понимаю, что у вас в этом деле есть свой интерес, и я должна о нем все знать, иначе могу случайно сделать что-то не то. Например, начну решать вопросы Лидии Петровны, но перейду дорогу вам, или наоборот. А может быть, вы этого и хотите?

– Вы прямо бред какой-то несете! Простите меня, конечно... – сказала Терентьева. Потом она резко встала и накинула на себя кружевной пеньюар, лежавший на белом пуфике. – Я хочу помочь своей школьной подруге, ведь ей больше не на кого рассчитывать. На операцию для Катюшки я денег дать не могу. Точнее, у меня нет сейчас такой суммы свободной. А Вахрушев, сволочь, все-таки обязан помочь дочери!

– А почему он считает, что Катя не его дочь? – Я стала задавать те вопросы, которые и хотела задать с самого начала.

– Это все пустые отговорки. Не его дочь, значит, ничего и не должен. На мой взгляд, Катя на отца похожа даже больше, чем Татьяна, старшая дочка. Именно он в Текстильщике с Нинкой путался, а когда Лидусик об этом узнала, Вахрушев взял да и припел к ней школьного воздыхателя Юрку Кузнецова, хотя, я точно знаю, между ними никогда и ничего не было. Лидусик, она просто святая, только не повезло ей с мужиком...

– Похоже на то, – согласилась я. – Скажите, а вы общались с Вахрушевым в Тарасове? Знаете, как он из водителя превратился в генерального директора?

Ольга Яковлевна взяла с телевизора пачку сигарет, предложила мне, я не отказалась, и мы с ней закурили, так что ответы на свои последние вопросы я услышала не сразу. По лицу Терентьевой было заметно, что она напряженно думает. Действительно, охарактеризовать одним словом такую головокружительную карьеру сельского парня было сложно.

– Думаю, он, что называется, попал в струю, – наконец выдала Ольга и потушила сигарету. – Наверное, ему по наследству от деда, который занимал раньше какой-то пост на мебельной фабрике, перешли какие-то акции. И Нинка, рыжая стерва, имела деньжонки, ведь ее родители первыми куркулями в поселке были. Вот одно на другое и наложилось...

– Так, значит, он Нинку не бросил? – уточнила я. – Они что же, до сих пор вместе?

– Да, они поженились, – ответила Терентьева, полубоком разваливаясь на своем белоснежном «сексодроме».

Будь на ее месте кто-то другой, это казалось бы вульгарным, но Ольга обладала классической красотой и в свои тридцать пять лет была в хорошей форме. Как ей удалось сделать карьеру в Тарасове, я вполне понимала – она удачно вышла замуж. Когда мне довелось общаться с ней как со свидетельницей в прошлый раз, я много слышала о ее муже, двоюродном брате убиенной. Но тогда он был в заграникомандировке, а теперь оказался дома. Точнее, в данный момент он как раз вернулся из аптеки.

– Я не хотела бы представлять вас Володе как частного детектива, – шепотом сказала Ольга, услышав звук открывающейся входной двери. – У меня вообще-то нет от него тайн, но... Все же будет лучше, если вы станете для него нашей общей знакомой – моей и Лидочки.

Сразу после этих слов Ольга сбросила пеньюар и шлепнулась плашмя на кровать. Едва она успела улечься, как вошел ее муж.

– Это средство вы имели в виду? – спросил он, поднося флакон к моему лицу.

– Да, оно, – подтвердила я.

– Володя, давай нанесем пену попозже, нам надо еще поговорить...

– Разве вы еще не все без меня обсудили? – спросил Владимир без особых эмоций и вышел из спальни.

– Ольга Яковлевна, вы мне не ответили, пересекались ли ваши пути с Вахрушевым в Тарасове, и если это происходило, то как часто?

– Всего дважды. Первый раз – примерно год назад. Я увидела его на одной презентации и там узнала, кем Колька стал. Между прочим, мы тогда все трое: я, Колька и Нинка сделали вид, что не знаем друг друга, – сказала Терентьева и нежно погладила рукой белоснежное покрывало, на котором возлежала. – А второй раз я сама пришла к нему в офис, чтобы рассказать об операции, которую надо делать Катюше. Решила воззвать, так сказать, к его родительскому долгу, к совести... Только он меня наглым образом выставил. Вызвал охрану и выставил!

– А вот об этом, пожалуйста, поподробнее, – попросила я. – Вспомните слово в слово весь ваш разговор, а главное то, что именно ему не понравилось.

– И вспоминать нечего! – ответила Ольга, рассматривая свой маникюр. – Мне с трудом удалось проникнуть в его офис: у него там такая охрана, что без предварительной договоренности с самим Вахрушевым никого постороннего не пускают. Правда, я договорилась по теле-

фону с начальником службы маркетинга, потому что Кольки на фабрике в тот момент не было. Естественно, как директору рекламной фирмы мне не смогли отказать в аудиенции. Когда Вахрушев приехал, я вошла в его кабинет, напомнила ему, кто я такая, и изложила суть дела. Он мне даже ничего не ответил, вызвал охранника и велел проводить меня. А вслед крикнул, чтобы и я, и Лида забыли к нему дорогу, иначе будет хуже.

– То есть он вам угрожал?

– Нет, он просто сказал: иначе будет хуже. Я не расценила его слова как угрозу лично мне. Скорее подумала, что он может урезать алименты.

– Понятно. Ольга Яковлевна, вы сами мне больше ничего не хотите сказать об этом деле? Терентьева отрицательно покачала головой.

– Что ж, тогда я ухожу, но должна предупредить: если по ходу расследования у меня будут возникать вопросы, то я стану беспокоить вас и здесь, и на работе, и по телефону.

– Да, я знаю, что от вас, Татьяна Александровна, никуда не скроешься. Поэтому я и посоветовала Лидочке обратиться именно к вам. Да, кстати, если тех денег мало, я готова добавить, лишь бы заставить этого мерзавца помочь собственной дочери. То есть дочерям...

– Если у меня возникнет необходимость в дополнительных расходах, то я сообщу вам без церемоний, – ответила я, поднялась из белоснежного кресла, попрощалась сначала с Ольгой, потом с ее мужем, встретившимся мне в гостиной и проводившим меня до двери, и покинула квартиру.

В раздумьях от услышанного я подошла к своей машине и, только открывая дверцу, увидела, что на ее стекле снова появился рисунок, сделанный таким же черным маркером, что и черепашка раньше. Теперь передо мной красовалась... круглая мишень. Это уже была целенаправленная угроза. Выходило, что за мной кто-то следил, а я этого даже не заметила. Предположить, что у детишек разных районов Тарасова появилась новая игра – рисовать на стеклах машин устрашающие рисунки, было бы глупо, а значит... Некто давал мне знак, что я нахожусь под его прицелом, но кто?

Я снова достала губку, потом разыскала в бардачке бутылку с остатками минералки, намочила губку и вытерла черные круги на стекле. Я допускала мысль, что за мной и сейчас следят, и едва я тронусь в путь, как за мной увяжется «хвост». Но сейчас я даже хотела, чтобы так случилось. «Чем раньше я узнаю, кто мне пакостит, тем быстрее с ним разберусь», – решила я.

Мне пока казалось, что рисунки на стеклах моей «девятки» никак не связаны с моим новым делом, вероятнее было предположить, что они – «шлейф» из прошлого. Хотя – стоп. А почему, собственно, и не с настоящим делом? Терентьев же выходил из дома и вполне мог нарисовать мишень. «Может быть, они с Ольгой ведут со мной двойную игру? – спросила я себя. – Странненькое дельце: музыку заказывает один, а платит за это другой. Такого в моей практике еще не было. Как не было и того, чтобы я не довела свое расследование до конца!»

Я выехала на улицу Зарубина, давая шанс своим возможным преследователям сесть мне на хвост.

К вечеру улицы Тарасова стали оживать, горожане возвращались со своих дач и баз отдыха в душный и пыльный город, ведь у большинства из них завтра начиналась новая трудовая неделя.

Я никак не могла взять в толк, почему именно в воскресенье мне объявили войну. Чем больше километров я колесила по Тарасову, не замечая за собой ничего подозрительного, тем больше склонялась к мысли, что стоит проверить Ольгиного мужа. Только ему не надо было за мной следить, чтобы разрисовать машину. Ведь не мог же он не понимать, что мое подозрение прежде всего упадет на него. Правда, пока я не видела никаких мотивов такого поступка. Единственным предположением было то, что он хочет, допустим, отвлечь меня от расследования, оплаченного его женой.

Вот так и случилось: вместо того чтобы думать о том, как мне зацепить Вахрушева, я размышляла сейчас о том, кто являлся автором идиотских рисунков на моем автомобиле. Я вдруг поняла, что вела себя очень предсказуемо. Вероятно, от июльского пекла и городской духоты мои мозги стали плавиться, и я начала делать глупости. Я повела себя как обыкновенная, напуганная девчонка, а не как лучший в городе частный детектив.

И тогда я решила устроить для горе-художника небольшую проверку – не стала возвращаться на ту квартиру, где встречалась с Лидией Петровной и адрес которой знала Ольга Терентьева. Я подумала, что мне лучше сегодня переночевать на своей второй – конспиративной, как я ее называю, – квартире. А вот если наутро я снова обнаружу на «девятке» устрашающие знаки, то уж тогда серьезно займусь этой проблемой. А пока надо было переключиться на Вахрушева.

Правда, на всякий случай я позвонила со своего сотового в квартиру Терентьевых. Услышала голос Владимира и таким образом убедилась, что он не колесит по городу вслед за мной. Я не стала с ним разговаривать и сразу же отключилась.

Не переставая поглядывать в зеркало заднего вида, я в конце концов подъехала к дому, в котором находилась моя конспиративная квартира, припарковала «девятку» так, чтобы ее было видно из окна, хотя прекрасно понимала, что не буду караулить машину всю ночь.

Однако рисунки черепа и мишени не давали мне покоя. Я огромным усилием воли заставила себя отрешиться от мыслей об угрозах и стала строить планы на завтрашний день. Я сразу отказалась от затеи явиться под любым предлогом в офис и поговорить с Вахрушевым, пусть даже на отвлеченную, не касающуюся его прежней семьи тему. Предупрежденная Ольгой, я поняла, что не стоит лезть напролом, а необходимо использовать другую тактику. Я решила, что для начала надо последить за Николаем Константиновичем, выяснить круг его интересов и знакомств.

Я задавала себе вопрос, почему на мебельной фабрике столь строгая пропускная система. Мне доводилось бывать на многих предприятиях Тарасова, где обычно пройти в офис и поговорить с руководством не составляло никакого труда. Почему же фирма «Нинель» так не любила посетителей? Я вполне бы поняла, если бы серьезная охрана была, например, на кондитерской или табачной фабрике, но ведь диваны и кресла – это вам не конфеты или сигареты, их в карман не положишь и просто так не вынесешь. «Значит, Вахрушев боится именно того, что к нему заявится какой-то неожиданный и неприятный для него гость», – сделала вывод я.

Звонок на сотовый прервал мои размышления. Номер звонившего не определялся, поэтому я не спешила отвечать, предположив, что кто-то ждал меня около другой квартиры, а не дождавшись, стал разыскивать по сотовому.

– Алло, – ответила я, чуть понизив голос.

Звонивший мужчина чертыхнулся и отключился. Его голос мне был незнаком, хотя, может быть, я просто не успела его узнать. Я ждала, что звонок повторится, но этого не случилось. Возможно, я переиграла злоумышленника. Ну вот, я снова стала думать о нем, а не о деле Вахрушева. Будь у меня под рукой мои магические двенадцатигранные кости, я бы метнула их и прояснила ситуацию, но они остались в той квартире. Обычно я не расстаюсь с ними, но недавно, меня сумку, выложила и в результате сейчас не могла воспользоваться мудрым советом высших сил и оставалась в полном неведении того, кто мне угрожает.

Но потом я вспомнила, как несколько часов назад двенадцатигранники предрекли, что расследование нового дела пойдет как по маслу, и успокоилась. Однако перед завтрашним тяжелым днем следует хорошо выспаться, и я улеглась в постель раньше обычного.

Глава 2

Утром я по-новому взглянула на все события прошедшего дня, от чего рисунки на машине показались мне просто смешными. Правда, визит к Терентьевым сейчас мне совсем не нравился. Я ощутила, что не задала и половины тех вопросов, ответы на которые могла знать Ольга Яковлевна. Прежде всего стоило бы поподробнее расспросить ее о Нине Червяковой-Вахрушевой, именем которой даже была названа мебельная фирма «Нинель». Как же я сразу не догадалась, что эта рыжеволосая особа может держать Вахрушева под каблуком!

Я быстро умылась, позавтракала и вышла во двор.

Перед моей машиной лежала дохлая кошка.

Не появившись вчера нарисованные на стеклах «девятки» череп и мишень, сегодня я бы не придала этому факту ровно никакого значения. Теперь же я автоматически поставила несчастное почившее животное в один ряд со вчерашними знаками. Хотя случайное совпадение все-таки не исключалось, и дохлая кошка вполне могла не иметь ко мне никакого отношения.

Я осмотрела автомобиль: стекла были чистыми, да и все остальное в порядке. Отступить от намеченных планов я не собиралась, поэтому направилась к мебельной фабрике «Нинель». До начала рабочего дня был еще час, и я надеялась, что смогу засвидетельствовать приход на работу генерального директора.

Червь сомнения в том, а не являюсь ли и я в этот момент объектом чьего-нибудь наблюдения, точил меня. Так же как и вчера вечером, я попыталась обнаружить за собой «хвост», и мне даже показалось в какой-то момент, что «десятка» синего цвета преследует меня. Но после второго резкого и неожиданного поворота я поняла, что это было лишь плодом моего разыгравшегося воображения.

Тем временем я подъехала к фабрике и нашла удачное местечко для парковки около соседнего здания. Там моя машина не бросалась в глаза охраннику, курившему на крыльце, зато мне было все хорошо видно.

Вахрушев не заставил себя долго ждать. Около входа в офис остановилась серая «Ауди», и из нее вышел высокий сутулый мужчина с глубокой залысиной, идущий ото лба к затылку. Я посмотрела на фотографию, которую мне дала Лидия Петровна, и поняла, что подъехал именно Николай Константинович. Он мало изменился за прошедшие годы внешне, даже высокий пост не сделал его внешний вид солиднее. Мягкие брюки и рубашка в крупную клетку говорили либо о его супердемократичности, либо о совершенном отсутствии вкуса. Я знала, что первое к Вахрушеву никак не относится. И его первая жена и ее подруга рассказывали мне истории, свидетельствующие о деспотичном характере Николая Константиновича. По тому, с каким раболепием охранник поклонился ему, а потом с испуганным лицом внимал каким-то словам генерального директора, высказанным явно в назидательном тоне, я убедилась, что демократичностью здесь действительно и не пахнет.

После того как Вахрушев вошел в двухэтажное здание офиса, водитель «Ауди» послышал, зеленые ворота открылись, и машина въехала на территорию фабрики. Я записала ее номер.

Вслед за директором стал подтягиваться и персонал фабрики. Кто-то подъезжал на своих машинах, а кто-то, чаще женщины, подходили пешком. Вскоре мою «девятку» обставили со всех сторон, и я даже пожалела, что не успела подъехать поближе ко входу. Почему-то немедленно у меня появилось предчувствие, что вот-вот произойдет нечто интересное.

Так оно и случилось. К воротам подъехала иномарка ядовито-зеленого цвета. Я даже не узнала, что это за модель, потому что никогда не встречала такую на улицах Тарасова. Но вот кем была женщина, сидевшая за рулем, я поняла сразу по пышным огненно-рыжим волосам, действительно точь-в-точь таким же, как мой новый парик. Ее величество Нинель Вахрушева

вышла из машины и направилась к офису. Сарафан, обтягивающий пышную фигуру, и подпрыгивающая походка придавали ее облику явную вульгарность.

Две девушки, поздоровавшись с ней, пропустили ее вперед, и одна из сотрудниц смешно передразнила походку жены генерального директора за ее спиной. Я поняла, что высокопоставленная мадам не пользуется авторитетом у женской половины персонала фабрики. Утверждать то же самое о сотрудниках-мужчинах фирмы «Нинель» я бы не решилась. Наоборот, наверняка некоторые представители сильного пола считали ее сексапильной. А скорее всего, именно такое впечатление Нина Вахрушева и пыталась на них произвести.

Из офиса выбежал охранник, загнал неизвестную мне иномарку дикого зеленого цвета за ворота, на территорию фабрики, и вскоре пробежал обратно. Нахождение обеих машин Вахрушевых не здесь, а за забором говорило, что Николай Константинович и его жена покидать фабрику в скором времени не собираются.

Я позвонила в справочную и узнала номера телефонов мебельной фирмы «Нинель». Затем я набрала номер секретаря и вежливо попросила соединить меня с директором, сказав, что желаю обсудить возможный оптовый заказ на мягкую мебель. Секретарша устроила мне настоящий допрос с пристрастием. Ее особенно интересовало, почему я хочу приобрести мебель именно их фирмы, а также то, какую фирму представляю я. Мне не составило труда быстро придумать название якобы моего места работы и сказать, что мягкая мебель «Нинель» мне понравилась еще год назад на презентации, но потребность в ней появилась только сейчас. Секретарша в ответ удивленно хмыкнула и объявила, чтобы я подождала.

В трубке долго раздавались звуковые сигналы, но вместо Вахрушева мне снова ответил тот же молодой женский голос:

– Директора нет, звоните после обеда или завтра.

Такой ответ заставил меня призадуматься. Во-первых, я знала, что Вахрушев в офисе. Однако по какой-то причине мне соврали и почему-то не стали с ним соединять. Во-вторых, казалось странным, что фирма не ухватила за оптового заказчика – секретарша не предложила мне переговорить с кем-то еще из руководства, не извинилась. Если бы мне на самом деле была нужна мягкая мебель, то после такого малоприятного разговора я обратилась бы к услугам другой мебельной фабрики. Насколько я знала, конкурентов у «Нинели» в Тарасове немало даже среди местных производителей, а если учесть поставки из других регионов и импорт, то Вахрушеву и его сотрудникам не мешало бы быть повежливее.

Я ощутила огромную потребность попасть на фабрику, но к такому десанту надо было тщательно подготовиться. При столь строгой пропускной системе мое просроченное удостоверение сотрудницы прокуратуры, оставшееся у меня со времени работы в правоохранительных органах и часто выручавшее меня, сейчас вряд ли поможет мне проникнуть на тщательно охраняемую территорию фирмы «Нинель». Представляться, как есть, частным детективом, но продумать какой-нибудь другой безобидный предмет своего интереса, также не имело смысла – можно насторожить свой «объект» против себя раньше времени. Я была уверена, что нужен совершенно нестандартный для Вахрушевых способ проникнуть на их предприятие, но пока я такой способ найти не могла.

Тем не менее я пришла к выводу, что два часа, проведенные перед офисом, не прошли даром. Я не только познакомилась с внешними характеристиками объекта моего расследования, я еще удостоверилась, что предмет расследования существует. Раз Вахрушев так тщательно огородил свое производство от внешнего мира, значит, ему есть что скрывать. Стало быть, существуют и компрометирующие его обстоятельства, а я должна до них докопаться.

Я позвонила своему другу Володьке Кирьянову – подполковнику милиции, или Кире, как я его по-дружески называла, и попросила узнать домашний адрес Вахрушевых. Меня очень интересовало, так ли защищено от внешнего мира их жилище или в личной жизни они более открыты для гостей.

– У тебя новое дело? – вопросом на мою просьбу ответил Киря. – Кто такой этот Вахрушев? Он случаем не в розыске? Ты меня не подставишь?

– Киря, я тебя не узнаю, ты стал таким пугливым! Разве я могу тебя подставить?

– Можешь! Ты, Татьяна, все можешь! – смеясь, воскликнул Володька. – Ты, например, можешь взяться за дело, которое не по зубам всей тарасовской милиции, и раскрыть его по счету «раз»...

– Спасибо, конечно, за комплимент, но если у тебя сегодня нет настроения и ты не хочешь мне оказать совсем безобидную услугу, то я запросто обойдусь и без тебя. Только мне придется потерять время и заскочить в адресно-справочное бюро...

– Да ты не кипятись, все узнаю! Просто мне сейчас на ковер к начальству идти... – стал оправдываться Кириянов, видно осознав, что если перестанет мне помогать, то может лишиться существенной прибавки к своему милицейскому жалованью от моего имени.

– Да я пока и не кипячусь! Хотя, кажется, скоро начну. Еще нет и десяти, а жара уже сумасшедшая. У меня ведь кондиционера в машине нет. Ты, Киря, не волнуйся, я на этот раз занимаюсь именно тем, чем и должен заниматься частный детектив, то есть в данный момент разыскиваю злостного неплательщика алиментов.

– Если бы мне об этом сказал кто-то другой, я бы не поверил, – искренне удивился Киря, и я даже пожалела, что проговорила. – Что же заставило тебя заняться такой рутинной? Разве в городе не совершено ни одного громкого убийства? Или тебе наскучило...

Теперь я точно знала, что совершила глупость, взявшись за это дело, и двойную глупость, рассказав о нем Кире. Надо срочно себя реабилитировать! И я нагло соврала:

– Если бы ты знал, о каких суммах идет речь и каков процент с них в мою пользу, то не посмел бы меня подкалывать.

– Ну прости меня, Танечка. Готов искупить свою вину и впредь выполнять твои просьбы без всяких расспросов.

– То-то, – усмехнулась я.

Через несколько минут у меня уже был адрес Вахрушевых. Они жили на улице Лермонтова, на набережной. Не от того ли Ольга Терентьева хотела переехать в тот же район? Со стороны это походило на соперничество двух земляков, осваивающихся постепенно на новом месте.

Я уже хотела рвануть по данному адресу, как вдруг заметила девушку, вышедшую из офиса. Это была та самая сотрудница фирмы «Нинель», которая передразнивала походку Червяковой. Она прошла совсем рядом с моей машиной, и я заметила, что лицо у нее заплакано.

Такое обстоятельство заставило меня изменить планы, и я решила поговорить с девушкой. Как я поняла, она не симпатизировала жене генерального директора, и почему-то именно ее довели за дверями фирмы до слез.

* * *

Я вышла из машины, догнала девушку и обратилась к ней:

– Извините, вы не подскажете, где находится мебельная фирма «Нинель»?

Девушка оглянулась, махнула рукой в сторону офиса и побрела дальше.

– Ой, вы плачете? – сочувственно спросила я. – А я ведь тоже на грани, еле сдерживаю слезы...

Девушка остановилась и посмотрела на меня, ожидая дальнейших объяснений, даже перестав всхлипывать.

– Знаете, я мягкую мебель купила фабрики «Нинель», а она бракованная оказалась, – на ходу придумывала я жалостливую историю. – В магазине меня даже слушать не стали, вот я и

решила к производителю обратиться. Позвонила, но меня и слушать не стали. Но я все-таки дойду до директора, он наверняка мне поможет. Я ведь так долго на мебель деньги копила...

– Боюсь, что директор вам не поможет, – ответила девушка и смахнула слезу. – Сюда даже и не ходите, не пустят.

– А что же мне делать? – жалобно спросила я у девушки, чувствуя, что, присоединив к ее несчастью свое, смогу получить нужный мне результат. – Я из-за этой треклятой мебели теперь в долгах как в шелках...

– Вам надо идти в общество по защите прав потребителей или сразу в суд, а здесь делать нечего...

– А, так вы тоже туда с рекламацией ходили, да? – не отставала я.

– Нет, – вздохнула девушка. – Я здесь работаю. То есть работала...

Моя собеседница залилась горячими слезами так, будто только что наступил конец света. Конечно, когда тебя увольняют, приятного в этом мало, но, чтобы убиваться до такой степени, надо было потерять больше, чем просто работу.

– Меня уволили ни за что ни про что, – сквозь всхлипывания проговорила девушка. – Ничего мне не объяснили, сказали: «Убирайся!» Так обидно... Еще и выходного пособия не дали.

– Ну, так это тоже можно оспорить, – осторожно заметила я. – Например, обратиться в трудовую комиссию...

– А что толку? Понимаете, с нас всех, кто поступал на работу в фирму «Нинель», при трудоустройстве сразу заявление на увольнение брали. Вот и получилось, что я уволилась по собственному желанию.

Я едва не дала несчастной девушке совет, как ей можно восстановить справедливость, но вовремя поняла, что показывать свою юридическую подкованность сейчас не в моих интересах – ведь я до сих пор играла роль такой же растерянной и беззащитной жертвы.

– Выходит, мы друзья по несчастью, нас обеих фирма «Нинель» обидела. Что же там за производство такое?

– Эта самая Нинель там всем и заправляет. На самом деле ее зовут Нина Федоровна Вахрушева. Она хоть и заместитель своего мужа, но без нее там ни один вопрос не решается, особенно кадровый, – охотно стала сплетничать девушка. – Она просто самодурка какая-то! Чуть что не по ее, кричать начинает, как на базаре. На две минуты опоздаешь, половины зарплаты можешь лишиться...

– Так, может, и расстраиваться не стоит, что уволили? – поинтересовалась я. – Или здесь зарплату хорошую платят?

– Да где там хорошую! Две с половиной. Сейчас уже нигде меньше и не платят. Правда, мне было удобно, что работа близко, – я живу вон в том доме, а ребенка вожу в садик вот здесь, за углом. Сейчас женщин с маленькими детьми никто на работу брать не хочет.

– Понятно. А кем вы здесь работали?

– Экономистом, – ответила моя собеседница, утирая слезы. – Ну я пойду, а то заболталась. Мы ведь с вами совсем не знакомы, а я так разоткровенничалась. Точно, язык мой – враг мой! Наверное, поэтому меня и уволили. Скорее всего, Нинели передали, что я ее истеричкой назвала. До свиданья.

Я кивнула девушке головой, давая понять, что больше нам говорить не о чем. Правда, я уже хотела признаться, что на самом деле являюсь частным детективом, и задать более конкретные вопросы о супругах Вахрушевых, но увидела боковым зрением, что ворота фабрики открылись и оттуда выкатилась директорская «Ауди», и раздумала.

Моя собеседница уже удалилась, а я чуть не бегом направилась к своей «девятке», чтобы отправиться вслед за Николаем Константиновичем, который вышел из офиса и уже усаживался в машину.

Я ускорила свой шаг и последние метры до своей «девятки» преодолела бегом. И только тогда с ужасом обнаружила, что мой автомобиль зажат со всех сторон другими машинами. Когда я бросилась догонять плачущую девушку, «Оки» здесь точно не было, и я, занятая разговором, не слышала и не видела, как она припарковалась, перекрыв мне единственный путь для отъезда. Конечно, можно было рискнуть и сдать назад, но мешал красный «Москвич», который стоял справа от моей машины. Водитель «Москвича» приехал буквально за минуту до начала рабочего дня и в спешке неудачно припарковался.

«Ауди» Вахрушева уже скрылась из вида, а я все еще продолжала стоять в нерешительности. В это время из ворот выехала и ядовито-зеленая иномарка, за рулем которой сидела рыжеволосая Нинель. Нет, упустить обоих Вахрушевых я не могла себе позволить, поэтому мгновенно села за руль и, стараясь не думать о худшем, стала сдавать назад, маневрируя между двумя машинами. «Москвичу» не повезло, пришлось его немного поцарапать. Правда, и моей «девятке» тоже досталось. Под вой сигнализации задетого мной «Москвича» я все-таки выехала на проезжую часть, развернулась и помчалась в сторону, противоположную той, куда направились друг за другом Вахрушевы. Такая конспирация была вынужденной мерой, потому что при первых же звуках сигнализации на крыльцо вышел охранник и заинтересованно посмотрел в мою сторону. Если бы я проехала мимо него, он бы мог запомнить меня и номер моей машины. Нет, я не боялась ответить за поврежденный «Москвич» перед его владельцем, но не хотелось «рисоваться» перед охранником. Я знала, что мне пока лучше оставаться в тени.

Сделав небольшой крюк, благо, на соседней улице движение было двухсторонним, я потеряла не больше пяти минут и снова оказалась на Ново-Астраханском шоссе, с удовольствием отметив, что оба интересующих меня автомобиля стоят на заправке, а значит, я их все-таки не упустила. Мне пришлось предельно сбавить скорость, а потом и остановиться неподалеку у мини-маркета. Я не была уверена, что дальше Вахрушевы поедут в том же направлении.

Я видела в зеркало заднего вида, что водитель Николая Константиновича, шустрый белобрысый паренек небольшого росточка, быстро обслужил обе машины своих хозяев. Я моментально прозвала его Труффальдино – слугой двух господ – и решила, что именно его было бы неплохо разговорить.

После заправки супруги Вахрушевы поехали в разные стороны. Ядовито-зеленая иномарка – кажется, это была «Ламборджини», – набирая скорость, проследовала мимо меня, а «Ауди» направились в обратную сторону. Чего-то подобного я и ожидала, ведь если бы Вахрушевым надо было в одно место, они бы вряд ли поехали на двух машинах. Я, недолго думая, за кем последовать дальше, развернулась и продолжила слежку за Вахрушевым. Конечно, Нина Федоровна меня тоже очень интересовала, но все-таки главным объектом моего расследования оставался Николай Константинович, и потому я села на хвост именно ему.

Я выдерживала пусть и небольшую, но все же дистанцию, боясь обнаружить себя. Между мной и «Ауди» постоянно находились две-три машины, и я, абсолютно не напрягаясь, следовала за автомобилем Вахрушева по так называемой дороге Дружбы в сторону автовокзала.

На ходу я анализировала информацию, полученную от девушки, уволенной с фабрики. От нее я впервые узнала, что Нина Федоровна не уступала своему мужу по силе характера и деспотизму. Мне показалось довольно странным, что два волевых человека прекрасно уживались не только дома, но и на работе. Или это была только видимость, а на самом деле они собачатся друг с другом? Я решила, что надо будет снова поговорить с Ольгой Терентьевой и расспросить, что собой представляет Нина Вахрушева, в девичестве Червякова. Она ведь тоже была из поселка Текстильщик. Однако почему-то ни Лидия Петровна, ни Ольга Яковлевна не рассказали мне о Нинели более того, что она была любовницей Вахрушева.

Теперь я подумала, а не в ней ли все дело? Не Нина ли Федоровна наложила свою захапистую лапу на все финансы и запретила мужу выделить средства на лечение его дочери? Воз-

можно, Николай Константинович был и не против раскошелиться, но не имел такой возможности. И потом, я ведь забыла уточнить, есть ли у Вахрушева дети во втором браке. Хотя Ольга Терентьева могла об этом и не знать.

С Большой Садовой мы выехали на проспект Пятидесяти лет Октября, и уже на Дачных остановках мой наметанный глаз вдруг вычислил «хвост» за собственной персоной. Точно: он тянется за мной примерно от того же места, где я начала преследовать Вахрушева, – от автозаправочной станции. Черная «десятка» также шла за две машины от меня, как я от «Ауди». Это можно было считать простым совпадением маршрута, пока машина генерального директора мебельной фирмы «Нинель» не свернула направо к жилым домам и не остановилась около магазина «Мебель». Я, естественно, тоже свернула направо, но проехала до аптеки.

Черная «десятка» остановилась между нами. Из нее никто не выходил. Я видела, что Вахрушев вошел в магазин, а сама я, разумеется, направилась в аптеку. Бородач, водитель «десятки», остался сидеть в машине.

Я долго рассматривала аптечные витрины, не забывая поглядывать при этом в окно. «Десятка» стояла на том же месте, «Ауди» из окна не было видно, но я смогла бы ее увидеть, если бы она снова стала выезжать на проспект.

– Вам помочь? У вас есть рецепт? – обратилась ко мне симпатичная аптекарша.

– Нет, я хотела бы минеральную воду без газа, – ответила я первое, что мне пришло в голову, и только потом поняла, что меня мучает жажда. Сработало подсознание.

– Что-нибудь еще?

– Нет, две бутылки воды, пожалуйста, – ответила я и снова посмотрела в окно.

Там ничего не изменилось. Если бы в аптеке находилось много покупателей, я смогла бы задержаться здесь подольше, но поскольку я в тот момент была там одна, то, купив минералку, вынуждена была выйти, дабы не вызывать лишних подозрений ни у аптекарши, ни у бородача в «десятке». Профессия частного детектива обязывает к тому, что нельзя во время расследования нигде засвечиваться без особой нужды. Хотя что я говорю! Ведь я уже не только засветилась, раз за мной следят, но и нахожусь у кого-то на прицеле.

Теперь у меня не оставалось никаких сомнений в том, что вчерашние рисунки на стеклах моей машины и сегодняшний «хвост» взаимосвязаны. В этот же ряд можно было поставить и дохлую кошку, и «Оку», преградившую мне путь на парковке. Однако полной уверенности взаимосвязи последнего факта с остальными не было.

К сожалению, в моей голове пока не имелось ни одной толковой версии по данному поводу. Я слишком многим переходила дорогу за свою практику частного детектива, и сейчас выделить кого-то одного, самого обиженного и жаждавшего мести, было сложно.

Я села в машину, вполне осознавая, что мне надо бы еще покараулить здесь Вахрушева, включила зажигание и, резко сорвавшись с места, свернула за угол. Я понятия не имела, есть ли там проезд, – просто хотела спровоцировать бородачатого водителя «десятки» выдать себя с головой. Двор, куда я заехала, оказался тупиковым, но я мгновенно сориентировалась и спряталась за трансформаторной будкой. Почти сразу же я услышала шум приближающегося автомобиля, «десятка» проехала мимо меня вперед и остановилась. Таким образом, я загнала своего преследователя в ловушку, намереваясь выяснить с ним отношения.

Мой противник остановился в конце двора, не имея возможности развернуться, и теперь «десятка» стала медленно сдавать назад. Наконец машина приблизилась ко мне почти вплотную. Казалось, мы оба ждали следующего шага друг от друга, но лично я его делать не собиралась. Бородач открыл дверцу и крикнул хриплым голосом:

– Танечка, я пошутил!

Потом водитель «десятки» вышел из машины. Его походка показалась мне до боли знакомой. Но я узнала бородача только тогда, когда он снова заговорил:

– Сдаюсь, ты меня переиграла!

Это был мой давнишний бойфренд, которого я не видела почти год. За это время он сильно изменился, потолстел и отрастил бороду. Бедный – с бородой в такую-то жару!

– Ну у тебя и шуточки, Витек! Какого черта ты затеял эту погоню? – выдала я вместо приветствия, но сразу же смягчилась. – Хотя, если честно, я рада тебя видеть...

– А уж я как рад! – сказал Витька Буренков, наклоняясь к открытому окну моей машины и целуя меня в щеку. – Танюша, ты стала еще красивее. Этот огонь в твоих глазах испепеляет меня...

– А ты все такой же бабник! – улыбнулась я Буренкову. – Что-то я сегодня не в форме: мне стоило узнать тебя раньше, даже несмотря на смену имиджа и новый автомобиль. Скажи, а рисунки на стекле – тоже твои шуточки?

– Какие рисунки? – абсолютно искренне удивился Витек. – О чем ты?

– Да так, ни о чем, просто мысли вслух, забудь, – ответила я, осознав, что допустила непростительную оплошность.

Теперь на девяносто девять процентов я была уверена, что Витька Буренков случайно увидел меня на дороге и решил разыграть, симитировав «хвост». Да, подобные шуточки были в его авантюрном характере. Но кто знает, что произошло с ним за последний год? У меня оставался только один процент сомнения в том, что наша встреча не случайна.

– Танюша, я в Тарасове всего на несколько дней. Может, встретимся вечером? Нам ведь есть что вспомнить... Я без тебя скучал, – вкрадчивый голос Буренкова заставил и меня вспомнить наши жаркие ночи и его неутомимые фантазии, вроде серенады под балконом, веревочной лестницы на тот же балкон, прогулки по Волге на ледоколе и букета из тысячи ромашек.

– Может, и встретимся, я тебе позвоню ближе к вечеру, в крайнем случае завтра, – согласилась я. – Телефон тот же?

– Можешь записать еще сотовый...

– Говори, я запомню.

– Ну да, я же забыл, что ты у нас вундеркинд... Надеюсь, я не слишком оторвал тебя от дел? Ты, кажется, следовала за «Ауди»? – Буренков лукаво прищурился.

Теперь уже я сделала удивленное лицо:

– За какой «Ауди»? Заскочила по пути в аптеку...

Позади раздался сигнал «Газели», въехавшей во двор, – из-за нас она не могла проехать к дальнему подъезду. Я была несказанно рада, что пришлось прекратить не слишком приятный для меня разговор, и Витек вернулся к своей машине. Сначала я, потом он на своей «десятке» стали выезжать из того случайного двора.

Оказавшись на улице, я, к сожалению для себя, отметила, что около магазина «Мебель» уже нет «Ауди» Вахрушева. Я разозлилась на Буренкова, а его прошлые «подвиги» показались мне глупым мальчишеством. Высунувшись в окошко, мы обменялись еще несколькими ничего не значащими фразами, потом выехали на проспект Пятидесяти лет Октября, а затем наши пути разошлись. Я сделала вид, что еду в Ленинский район, а Витька направился в сторону Кировского.

Однако вскоре я повернула назад и, убедившись, что поблизости нет Буренкова, подъехала к магазину «Мебель». Теперь мое отношение к моему бывшему бойфренду стало неоднозначным, и я абсолютно не была уверена в том, что позвоню ему. Хотя, прислушавшись к своему сердцу, я поняла, что хочу встречи с Витькой. Однако твердый и расчетливый мой разум советовал все хорошенько обдумать.

Я вошла в магазин, и мне хватило одного взгляда, чтобы оценить его третьесортность. Выбирать мебель для себя я никогда бы сюда не пришла! Да и выбора-то здесь большого не было: всего два комплекта из дивана и кресел да еще детский диванчик с пуфиком стояли в зале. Цены оказались даже ниже, чем я предполагала, а вот производитель на ценниках указан не был.

– Выбирайте мягкую мебель! У нас самые низкие цены в городе, прямо от производителя, без накруток... – сказала продавщица, вставшая за моей спиной.

– А кто производитель? – спросила я, не оглядываясь.

– Вам комплект понравился, да? – сказала она, оживившись. – Этот от «Нинель», тот – от «Рябинки». Обе фирмы – местные...

– А детский диванчик?

– «Рябинка».

– Что-то небогатый у вас выбор, – сказала я.

– Мы раньше только корпусной мебелью торговали: прихожие, кухни, стенки. Видите, площадь здесь маленькая...

– Да, вижу, – ответила я, впервые взглянув на продавщицу. Мне показалось, что она из болтливых и с ней можно было поговорить. – Вот этот комплект «Нинель» мне бы подошел, но я хочу другую обивку...

– У нас пока только такая, изучение покупательского спроса...

– И что, покупают? – с искренним интересом спросила я.

– Да, вчера два комплекта продали. Но «Рябинка» идет лучше. Может, «Рябинку» возьмете?

– Нет, я еще подумаю, – ответила я и вышла.

– Надумаете, приходите, – услышала я вслед.

Впечатление от посещения магазина было тягостным. Я чувствовала, что чего-то не понимаю. Генеральный директор только что лично посетил магазин, который совсем недавно взял на реализацию комплекты мягкой мебели, причем устаревшего дизайна. Неужели на фабрике нет менеджера по сбыту, спрашивала я себя. Впрочем, к этому времени в моей голове уже крутилась масса вопросов относительно фабрики «Нинель». Чтобы на них ответить, надо было приступить к более решительным действиям.

После полудня зной стал просто невыносимым. Я осушила одну бутылку минералки, но легче от этого не стало, и тогда я решила взять на пару часов тайм-аут – поехать домой, принять освежающий душ, переодеться во что-нибудь новенькое из вчерашних покупок, а уже потом предпринять следующий шаг в своем расследовании.

Уже около дома мне в голову пришла шальная мысль: «Может быть, Вахрушевы скрывают только то, что их дела идут неважно? Да, они смогли переехать в Тарасов, немного подняться, купили квартиру в престижном районе, две машины, а дальше... Дальше мебель от „Нинель“ не выдержала конкуренции, что и неудивительно. У Вахрушевых явно не хватает образования, вкуса, да и умения руководить. Зато амбиций у них – через край. Сдавать свои позиции не хочется, вот они и отгородились от всего мира, чтоб никто не узнал об истинном положении вещей. Если это так, то причины отказа Вахрушева помочь больной дочери вполне понятны...»

Такие размышления меня вовсе не вдохновили. Я поняла, что ответ, который мне дали мои двенадцатигранные магически кости, был неоднозначным. «Расследование действительно может закончиться быстро, – подумала я. – Только вот результат возможен разный. А что, если я очень быстро вместо компромата найду неопровержимые доказательства того, что Вахрушев гол как сокол? Мрак! Тоска зеленая, да еще в такую жару!»

После водных процедур и кофе с мороженым мое настроение немного улучшилось. Вывод о бедности Николая Константиновича и кризисе его мебельного производства стал казаться преждевременным. Возникла мысль снова кинуть «кости», но я вспомнила, что еще вчера вечером хотела задать им вопрос об анонимном художнике. Да, меня интересовало и то, и другое: и перспективы моего расследования, и вчерашние угрозы в мой адрес. По своему опыту я знала, что в таком состоянии раздвоенности метать двенадцатигранные бессмыс-

ленно. Единственное, что я могла сделать сейчас, это переложить магические кости из тумбочки в сумку, чтобы они всегда были со мной.

Взгляд упал на огненно-рыжий парик – он действительно один к одному повторял прическу Нины Федоровны. Я подумала, что не воспользоваться таким сходством просто грешно, и сунула парик в пакет, чтобы захватить с собой. Оценив свою фигуру в зеркале и сопоставив ее с пышными телесами Нинели, я сначала разочаровалась, но быстро вспомнила о свободной кружевной накидке от моего старого вечернего платья – издалека она вполне могла бы создать эффект полноты. Я отыскала ее в шкафу и положила в пакет с париком. «Не беда, что в такую жару плотный черный гипюр со стеклярусом будет смотреться нелепо, – мысленно улыбнулась я. – Нинель, как я успела отметить, не отличается тонким вкусом». Маскарадный костюм был готов. Когда мне придется его надеть, я еще не знала – просто взяла про запас.

Прошли сутки с того момента, как я встретила с Лидией Петровной, но сделано было еще очень мало. В голову пришло сравнение с начинающим шахматистом, плохо чувствующим своего противника, вяло развивающим ходы своих фигур и опасаящимся ими жертвовать. Я не узнавала себя. Обычно я действовала смелее, потому что считала себя непобедимым гроссмейстером. Что же случилось со мной теперь?

Нет, противника надо прощупать, поиграть с ним, может быть – даже пожертвовать какими-то фигурами. Я ведь до сих пор боялась засветиться буквально перед всеми. Возможно, мне это и удалось, но сама я почти ничего не узнала. Я была недовольна собой. Поэтому, невзирая на тридцатипятиградусную жару и на то, что прошел только один час из отведенных себе на отдых двух, я вышла из дома.

В глаза мне тут же бросилась царापина, полученная при выезде с места парковки возле «Нинель» от соприкосновения с «Москвичом». Я полезла в багажник, чтобы достать баллончик с аэрозольной краской, и... Увиденное меня, мягко говоря, поразило. В багажном отсеке за задним сиденьем стояла неизвестно откуда взявшаяся клетка, а в ней лежала моя фотография.

Я достала баллончик и захлопнула заднюю дверцу. Я старалась не показывать вида, что удивлена. Кто-то явно хотел вывести меня из равновесия, только действовал весьма непоследовательно: сначала угрожал моей жизни – правда, как-то по-детски, – а теперь свободе. Сначала был череп, потом мишень и только после этого клетка. Хотя постой, клетка ведь могла появиться в моей машине и до первого рисунка на лобовом стекле... И если бы мне сегодня не понадобился баллончик с краской, я могла бы не увидеть клетку еще очень долго.

Я равномерно распылила краску по царапине и села в машину.

Глава 3

Обстоятельство с клеткой внесло свои коррективы в мои планы. Я решила поехать в рекламное агентство, в котором работала Ольга Яковлевна Терентьева. В конце концов, ее муж был у меня первым подозреваемым в художествах на стеклах моей «девятки», да к тому же у меня накопились к Ольге новые вопросы.

Мне снова пришлось поглядывать, нет ли за мной «хвоста». Нет, преследователя я не заметила или он был суперпрофессионалом. Сейчас я не делала тайны из того, куда я еду. Просто хотела без заинтересованных глаз достать из багажного отсека дурацкую клетку, вынуть из нее мою фотографию и разглядеть, где и когда меня «щелкнули».

Я остановилась в чужом уютном дворике, вышла из машины, открыла багажник и попыталась открыть клетку. Дверца не поддавалась. Это мне-то! Мне, которая всегда без проблем справлялась с замками даже самой сложной конструкции на металлических дверях квартир и несгораемых сейфов. Но сейчас я не могла справиться с прутьями обыкновенной клетки для птиц. И это был настоящий нонсенс! Я нашла только одно объяснение – нервы. Да, тот, кто устраивал все эти шалости, одного явно добился – вывел меня из душевного равновесия. Я видела дверцу клетки, но открыть ее не могла ни с одной, ни с другой стороны, ни внутрь, ни наружу, ни вверх, ни вниз. Наконец я поняла, что это была лишь имитация дверцы. И тогда я напрягла все свои силы, стараясь погнуть прутья. Наверняка клетка была изготовлена на заказ, специально для меня. Не прошло и пяти минут, как я разобрала ее на отдельные прутья. Только после этого фотография оказалась в моих руках. Это было равносильно моему собственному освобождению из темницы.

Теперь я поняла: мой неизвестный противник поступал вполне логично, шел от простого к сложному. Первый рисунок – черепа – я приняла за шалость местной детворы, которую совершенно не интересовало, кто владелец машины. Второй рисунок – мишени – дал мне понять, что именно я нахожусь у кого-то на мушке. А клетка в моей машине должна была мне сказать о том, что для кого-то не представляет никаких проблем достать меня, а вот мне выбраться из захлопнувшейся ловушки будет не так-то просто.

А мой противник, оказалось, философ! Он навязывал мне какую-то интеллектуальную игру, и я должна была предугадать следующий ход. Я поняла, что напрасно старалась обнаружить за собой «хвост». Этот философ-интеллектуал имел другой почерк. И он был очень похож на женский.

Я внимательно рассмотрела фотографию и сразу догадалась, что она была сделана вчера на нашем центральном проспекте, именуемом в народе тарасовским Арбатом. Довольная покупкой, я вышла из магазина «Кокетка», и кто-то зафиксировал этот момент своим фотоаппаратом. Причем снимок был сделан не дешевой «мыльницей», а фотоаппаратом с хорошим объективом, способным издалека заснять крупным планом.

Похоже, что это остановленное кем-то мгновение стало точкой отсчета нашего противостояния. Кто же мой противник? Фигурант последнего, законченного, дела или настоящего? Этот вопрос настолько четко сформулировался в моей голове, что я поняла – настало время бросать «кости».

Я вынула из сумки мои заветные двенадцатигранники и метнула их на соседнее сиденье машины. Сочетание 20+25+5 говорило: «Не слушайте его, он блефует». Нечто в таком роде я и ожидала. Я только что сама пришла к умозаключению, что мне навязывают лишь игру в войну, а не саму войну.

Настроение улучшилось, я захлопнула дверцу машины, повернула ключ в замке зажигания, нажала на газ и поехала к Терентьевой в офис.

Она встретила меня с удивлением, но довольно приветливо.

– Не ожидала вас так скоро увидеть, – сказала Ольга Яковлевна с располагающей улыбкой. – Ах, я прежде всего хочу вас поблагодарить: ваша пена от ожогов мне очень помогла.

– Я рада. Но как вас угадало так обгореть? – с сочувствием спросила я.

– У меня очень восприимчивая кожа. Я всегда пользуюсь кремом для загара, а в тот раз поездка на острова была такой внезапной, что я не успела подготовиться. Ну и, как говорится, дорвалась до солнца. . . У вас ко мне, Татьяна Александровна, возникли новые вопросы? – внезапно перешла на другую тему Терентьева.

– Да, я хотела бы поподробней узнать, что из себя представляет Нинель.

– Нинель? Вы имеете в виду Нинку Червякову?

– Да, вы ведь из одного поселка, а там, как водится, все друг у друга на виду. . .

– Это не совсем так. Мы с Лидусей жили в Нижнем Текстильщике, а Нинка – в Верхнем. Она даже в нашу школу не ходила, родители ее в Тарасов на машине возили.

– Даже так! – удивилась я. – А кем же были ее родители? Вы в прошлый раз как-то интересно охарактеризовали их. Никак не припомню слово. . .

– Куркули! – мгновенно вспомнила Ольга. – Так мои родители Червяковых называли. И отец, и мать Нинкины на нашем местном хлебозаводе работали. Если не ошибаюсь, мамаша главбухом была. Против нее даже уголовное дело возбуждали! Точно не знаю, правда, в чем там суть дела была, посадили ее или нет. . . Я тогда уже здесь в политехническом институте училась, с Володей стала встречаться, и Червяковы меня мало интересовали. Когда мне Лидуся первый раз рассказала, что ее Колька с Нинкой роман крутит, я даже не сразу поняла, о ком она говорит. Только по рыжим волосам и припомнила.

Я заметила, что сегодня Ольга Яковлевна была более разговорчивой. Оно и понятно: самочувствие ее улучшилось, и мужа, который мне явно не симпатизировал, поблизости не было.

– Скажите, а почему вы не хотели, чтобы ваш муж узнал, что я частный детектив? – спросила я, наблюдая за реакцией Терентьевой.

Ее лицо оставалось спокойным, и я решила, что она намерена мне ответить со всей искренностью.

– Вы, Татьяна Александровна, не просто частный детектив, а тот самый детектив, который расследовал убийство его двоюродной сестры. Володя никак не может поверить, что Маша погибла от руки собственного мужа, его больше устраивает милицейская версия. Впрочем, это дело прошлое. . . Я ему вчера все-таки рассказала, кто вы такая. Ну не могу я ничего от него утаить, и все тут!

Последняя фраза получилась у Терентьевой какой-то театральной, но я приняла ее на веру.

– Хорошо, тогда расскажите мне о Вахрушеве: каким он был в те годы, когда вы все жили в Текстильщике? – спросила я и поняла, что каждое мое упоминание о малой родине Ольги Яковлевны задевает ее самолюбие. – Кстати, а ваш муж, Владимир Геннадьевич, не оттуда же родом?

– Нет, он коренной тарасовец. А что касается Кольки Вахрушева, то у нас с ним с детства была какая-то неприязнь друг к другу. Мы постоянно устраивали какие-то пакости, он – мне, а я – ему. . .

– Пакости? – переспросила я. – Вот об этом поподробнее. Какие именно пакости?

– Сначала это были обыкновенные детские забавы: он мне в портфель лягушку подбросил, а я его одежду в кустах спрятала, когда он купался. Ну, в общем, это были вполне невинные вещи, пока он меня чуть было не утопил! Если бы не Лида, я точно бы утонула. . . Я сейчас вам все расскажу! Просто не знаю, с чего лучше начать. . .

Я видела, что воспоминания для Ольги были не слишком приятными – лицо ее стало пасмурным, хотя еще минуту назад она выглядела довольной и счастливой.

– Многие говорили, что именно из такой вражды и ненависти рождается любовь, – начала свой рассказ моя собеседница. – Только я знала, что этого никогда не произойдет. Я отвечала на зловредные Колькины выходки только затем, чтобы не оставаться в долгу. Мне нравился совсем другой мальчик, который, увы, не обращал на меня никакого внимания. Он был влюблен в Лиду...

– А не тот ли это Юра Кузнецов, в измене с которым обвинял Лидию Петровну Вахрушев?

– Да, тот. Но Лидуся всегда к нему была равнодушна, да и к Кольке у нее никаких пылких чувств не было... После школы я поступила в политехнический, а Лида провалилась в медицинский. Мы стали встречаться с ней реже – я жила в Тарасове у тетки, чтобы не ездить каждый день из Текстильщика. Я всегда любила подольше поспать. За тот год мы с Лидой отделились друг от друга, а летом я узнала, что она встречается с Колькой. Я этому не придавала никакого значения...

Рассказ Терентьевой оказался слишком длинным, начала она очень издалека и никак не могла подойти к кульминации истории. Я заскучала, но изо всех сил старалась не показывать этого.

– Однажды мы вчетвером поехали кататься на лодке: я, Лидуся, Колька и еще один парнишка, его имени я даже не помню. В самом глубоком месте реки Колька взял и столкнул меня с лодки. Я этого никак не ожидала и стала тонуть – вода была еще холодной, ноги свело судорогой, потом я захлебнулась от волны и... Больше я ничего не помнила. То, что произошло потом, я узнала только из рассказов. Все знали, что я умею плавать, но я исчезла под водой надолго. Лида стала просить Кольку, чтобы он нырнул за мной. Тот отказывался, говорил, что я просто придуриваюсь. Парнишка, который был с нами, плавать совсем не умел, а Лида плавала неважно, я даже никогда не видела, чтобы она ныряла... Я долго не показывалась из-под воды, и Лида поняла, что дело серьезное. Она решила нырнуть за мной, Колька стал ее удерживать, они оба свалились с лодки. То ли Лида тоже стала тонуть и мобилизовала все свои возможности, то ли она так удачно нырнула, но нашла меня под водой и вытащила... Я пришла в себя только на берегу, однако еще в лодке Лида стала делать мне искусственное дыхание. Она ведь готовилась в медицинский и знала, как это делается...

– Да, история! – отозвалась я. – А почему же он вас столкнул? Неужели просто так?

– Да, именно просто так, – подтвердила Ольга Яковлевна, и я ей поверила. – Шуточки у него такие. Со временем это все, конечно, забылось. С Лидусей мы общались меньше и меньше, но в нынешнем году была встреча выпускников, мы с ней разговорились, и я узнала, что подружка моя едва концы с концами сводит. А уж про операцию Катке и говорить нечего...

– Да, вот насчет дочери я уточнить хотела... Разве в Тарасове не делают такие операции на сердце? У нас ведь сильная кардиохирургия, насколько мне известно.

– Лидуся говорила, что у девочки какой-то редкий порок сердца и к тому же аллергия на многие лекарства, из-за чего могут быть проблемы с наркозом, – пояснила ситуацию Терентьева. – А в Москве используют новые технологии...

– Теперь понятно, – кивнула я. – Ольга Яковлевна, еще один очень важный вопрос...

– Пожалуйста, – проговорила Терентьева и украдкой посмотрела на часы.

– Вы говорили, что встретили Вахрушева на какой-то презентации. Может быть, вы заметили, с кем из деловых людей нашего города он там общался?

– Ни с кем, – мгновенно отреагировала Ольга Яковлевна. – Среди всех производителей мебели Вахрушевы держались особняком. Хотя погодите, их сектор оформляло рекламное агентство «Экватор-плюс»... Насколько мне известно, директором этого агентства является Станислав Власович Цыпкин... Правда, его на презентации не было...

– Ольга Яковлевна, а вы сами видели мягкую мебель «Нинель»?

– Разумеется, – ответила Терентьева, протягивая мне пачку своих сигарет.

Вчера мне понравились эти сигареты, поэтому я и сейчас угостилась одной. У Ольги Яковлевны во всем был очень хороший вкус, и ее мнение относительно диванов, выпускаемых на фабрике Вахрушевых, для меня было важно.

– Вам понравилась эта мягкая мебель? – спросила я, шелкнув зажигалкой.

– Скажем так: для себя я бы такую не приобрела, – со значением ответила Терентьева.

– Знаете, я сегодня была в одном магазине и видела диван с креслами «Нинель» – очень простенькие, темно-синяя обивка в рубчик. Неужели на презентации было то же самое?

– Нет, – ответила Ольга, стряхивая пепел в чугунную пепельницу в форме ракушки. – Там были кожаные офисные диваны и комплекты для спальни, диваны с креслами в широкие бело-золотистые полосы. Такая безвкусица! Да еще масса пуфиков в форме различных зверюшек... Кстати, Татьяна Александровна, я вспомнила, с кем Вахрушевы еще общались – с директором торгового дома «Столица Поволжья» Бабошкиным. Но его имя и отчество я, к сожалению, не знаю.

– Это не проблема, – ответила я, – такие мелочи я выясню сама. Сегодня, Ольга Яковлевна, вы мне очень помогли. Но я не исключаю возможности, что мне снова придется к вам обратиться.

– Всегда пожалуйста, – пропела Терентьева.

Мы попрощались, и я вышла на улицу. При беглом осмотре своей «девятки» я не заметила ничего особенного и с удовлетворением отметила, что могу полностью сосредоточиться на деле Вахрушева. У меня появилась новая информация к размышлению, и я не исключала того, что при следующей встрече Ольга Терентьева сможет рассказать еще что-нибудь интересенькое о своих земляках. Я давно открыла такую закономерность, что люди, с которыми я беседую как частный детектив, не спешат сразу раскрывать все свои карты. Наверное, они чувствуют свое превосходство, если знают больше, чем я. Правда, иногда такое умолчание дорого обходится даже для них самих. Я это им объясняю, но мои свидетели все равно упорствуют.

Если бы Ольга Яковлевна была со мной так же откровенна вчера, то сегодняшний день мог бы быть более продуктивным. Возможно, я бы уже поговорила с людьми, знающими Вахрушева, и у меня оформилась бы версия, в каком направлении под него «копать». Надежда, что я достану Бабошкина и Цыпкина в конце рабочего дня, была очень маленькой. Тем не менее я поехала в торговый дом «Столица Поволжья», который находился в нескольких кварталах от того места, где сейчас находилась.

Теперь мне было вполне понятно, почему Ольга Терентьева оплатила мои услуги. У нее на Вахрушева был свой «зуб» – Николай Константинович едва не лишил ее жизни, поэтому она и решила лишить его некоей суммы денег, к тому же в благих целях.

Одно мне казалось странным – неужели Лидия Петровна не видела, что собой представляет ее муж. Мне казалось, что тот случай в лодке должен был зародить чувство ненависти, презрения, но никак не любви. Впрочем, я мерила своими собственными мерками, а все люди разные. Наверняка теперь она осознала, какую глупость совершила, выйдя замуж за такого безжалостного, эгоистичного типа, как Николай Константинович Вахрушев.

Мне очень захотелось найти на него компромат, и я готова была ради этого свернуть горы. Интуиция подсказывала мне, что союз Вахрушева и Нинели Червяковой замешен на криминале. Случай с утоплением характеризовал Николая Константиновича как человека, способного переступить черту законности и добропорядочности. Родители Нины Федоровны были под следствием, а яблоко от яблони, как говорят, недалеко падает. Мне было очень интересно узнать, на что способны эти два человека вместе.

* * *

Мимо торгового дома «Столица Поволжья» мне доводилось проезжать довольно часто, но я никогда раньше туда не заходила. Чтобы не терять времени даром, я решила сразу заглянуть в дирекцию. Но мне не повезло – Бабошкин оказался в командировке. Но все равно – я не могла уйти, ни с кем не поговорив о мебельной фирме «Нинель».

Из всего руководства на месте оказалась только главный бухгалтер Нина Ивановна Учаева. Я издалека показала ей свое просроченное удостоверение и представилась сотрудницей милиции. По выражению лица Учаевой было заметно, что она не испытала восторга, узнав, кто я такая, но согласилась ответить на мои вопросы.

– Скажите, ваш торговый дом сотрудничает с мебельной фабрикой «Нинель»?

– Да, – коротко ответила Нина Ивановна.

– Расскажите мне все, что знаете об этой фирме, – приказным тоном сказала я.

– Что именно? – удивилась бухгалтер.

– Все! Когда началось ваше сотрудничество и насколько оно успешно, пользуется ли спросом мебель «Нинель» и каким, а главное – кто был инициатором сотрудничества: торговый дом или фабрика. Может, сами вспомните что-нибудь интересное...

Учаева откинулась на спинку кресла, серьезно задумалась, а потом сказала:

– Вам бы лучше поговорить об этом с Виктором Алексеевичем Бабошкиным, они с директором «Нинели», кажется, приятели.

– Но он же в командировке, – уточнила я.

– Да, и будет только в конце недели, – подтвердила Учаева. – А я могу сказать только вот что: мы стали брать на реализацию мягкую мебель «Нинель» примерно год назад. Идет она неплохо, но лично мне больше нравится то, что производит «Рябинка». По бухгалтерской части у нас никогда никаких проблем с фирмой «Нинель» не было. Пожалуй, это все, что я знаю.

– Неужели? – с недоверием спросила я, но Нина Ивановна все равно больше ничего не добавила.

Я вышла из кабинета главного бухгалтера и отправилась посмотреть воочию на представленный здесь ассортимент мягкой мебели «Нинель».

В торговом доме были выставлены именно те образцы, о которых говорила Ольга Терентьева. А тех невзрачных темно-синих диванов и кресел, которые я сегодня лицезрела, здесь не было. Я только потрогала руками полосатую бело-золотистую обивку дивана, но у меня, естественно, не было ни малейшего желания его покупать, что очень разочаровало менеджера торгового зала.

Надо отметить – единственное, что мне понравилось в торговом доме «Столица Поволжья», так это хорошо работающие кондиционеры. В помещении было так прохладно, что не хотелось отсюда уходить. Я даже на время забыла о том, что я частный детектив, и стала с любопытством обыкновенного покупателя бродить по торговым залам. Мне захотелось заменить в двух своих квартирах буквально все: сантехнику, плитку, обои, линолеум и, конечно же, мебель. Только с одной оговоркой – чтобы последняя была не от фирмы «Нинель». Я даже дала себе слово, что, как только в моей работе случится передышка, я всерьез займусь изменением домашнего интерьера.

Мне все же пришлось вернуться на улицу – мою работу за меня никто не сделает. Жара не спадала. Вполне можно было еще сегодня успеть съездить в рекламное агентство «Экватор-плюс», которое находилось в Заводском районе недалеко от фабрики «Нинель». Именно туда я и направилась.

Станислав Власович Цыпкин, еще не зная, зачем я к нему пожаловала, встретил меня так, будто только меня и ждал весь день. Это был высокий худощавый мужчина. Когда я входила в его кабинет, он как раз собирался из него выйти. Мгновенно изменив свои намерения, Цыпкин пригласил меня войти, а затем, приобняв за плечи, проводил к креслу.

– Я из милиции, – сухо сказала я, остудив пыл Станислава Власовича. – У меня есть к вам несколько вопросов.

– Слушаю, – усаживаясь напротив меня прямо на стол и ни на секунду не сводя с меня глаз, сказал Цыпкин. – Я люблю женщин любых профессий, особенно ближе к вечеру. Скажите, неужели милиция тоже стала нуждаться в рекламе?

Сморозив глупость, Цыпкин разразился самодовольным смехом, и мне пришлось подождать, пока он успокоится. Нельзя сказать, что такое поведение директора рекламного агентства меня очень удивило, нет, мне часто приходилось общаться с чудаками.

– Станислав Власович, мне говорили, что вы занимались рекламной кампанией мебельной фирмы «Нинель». Это так?

– Можно сказать, что так, – ответил Цыпкин и прыгнул со стола. – Вы будете меня за это судить?

– Вы можете быть серьезным? – одернула его я.

– Никогда! – почти выкрикнул Цыпкин. – Девушка, милая, я хочу прожить как минимум до ста лет. Причем в добром здравии и в хорошей физической форме. А если смотреть на жизнь серьезными глазами, то не доживешь и до полтинника!

Цыпкин снова засмеялся, на этот раз я не стала дожидаться, когда он замолчит, и сказала:

– Если вы сегодня не в настроении отвечать на мои вопросы, я выпишу повестку. Думаю, что в отделении милиции у вас, Станислав Власович, будет другое настроение.

– Хорошо, хорошо, я все понял, майор, нет, полковник... Вы мне не представились.

– Иванова Татьяна Александровна, – назвалась я, прекрасно зная, что женщин с таким сочетанием фамилии, имени и отчества и примерно моего возраста не меньше десятка в городе Тарасове. – Значит, так... Кто обращается в вашу фирму с заказом – Николай Константинович или Нина Федоровна?

– Нинель, – ответил Цыпкин. – Это удивительная женщина, настоящая бизнес-леди...

– Да? И в чем это выражается? – поинтересовалась я. – Как вы поняли, что она настоящая бизнес-леди, а не подделка? И чем она вас так удивила?

– О женщины! – патетически воскликнул мой собеседник, примостившись на подоконнике и бросив беглый взгляд за окно. – Подойдите ко мне, Татьяна Ивановна, и вы все поймете.

– Татьяна Александровна, – поправила его я, сделав акцент на своем отчестве. – Да, кстати, а почему вы, Станислав Власович, сидите где угодно, только не на своем кресле?

– Идите, идите сюда, – снова позвал меня Цыпкин, не обращая на мой вопрос никакого внимания и давая понять, что за окном происходит что-то интересное.

Я встала и подошла к окну. Офис «Экватора-плюс» находился на втором этаже, поэтому, взглянув сквозь стекло, я не увидела ничего, кроме кирпичной стены – торца другого здания.

Цыпкин, недолго думая, привлек меня к себе. В первый момент я решила, что попала на его удочку, но быстро поняла, что он хотел мне показать происходящее внизу, почти под окном. А там стояла рыжеволосая Нинель и, активно жестикулируя, отчитывала двух мужчин. Ее голоса я не слышала, потому что окно было закрыто и к тому же работал кондиционер.

– Это что же – территория фабрики «Нинель»? – спросила я, отстраняясь от Цыпкина.

Он продолжал держать свою руку на моей спине и не спешил отвечать. Впрочем, я и сама догадалась, что так оно и есть. Я сразу смекнула, что на окне кабинета Цыпкина нет решетки и что при большой надобности отсюда без особых затруднений можно проникнуть на «особо засекреченную территорию» – во двор мебельной фабрики.

Я перевела взгляд на Цыпкина, он мгновенно убрал свою руку.

Я сразу вспомнила слова Витьки Буренкова о том, что мой взгляд испепеляет, и усмехнулась. Станислав Власович понял мою ухмылку по-своему.

– Вы пришли у меня спросить, не замечал ли я чего-нибудь странного? – абсолютно серьезно сказал он. – Да, замечал. Надеюсь, мне не придется подписывать никакие протоколы?

– Разумеется, нет, – развеяла я сомнения Цыпкина. – Все останется между нами...

– А вы, Татьяна Александровна, можете показать мне свое удостоверение? – поинтересовался директор рекламного агентства «Экватор-плюс».

Я была очень удивлена сменой настроения Цыпкина. Его экстравагантная бесшабашность сменилась озабоченной недоверчивостью. Я несколько секунд соображала, оставаться ли мне в его глазах по-прежнему сотрудником милиции или представиться частным детективом. Обычно для меня не составляло проблемы определить, с кем мой собеседник будет наиболее откровенным, но Станислав Власович оказался полной загадкой. Я решила все-таки не менять своей первоначальной позиции и достала из сумки свое просроченное удостоверение.

Взгляд издалика Цыпкина не удовлетворил, он спрыгнул с подоконника и проворно выхватил из моей руки документ. Сравнив фотографию с оригиналом, он не успокоился и с дотошностью стал изучать подлинность красных корочек.

– Неувязочка, однако, выходит, – после долгого рассматривания изрек Станислав Власович, при этом не торопясь отдавать мне мою ксиву. – Сейчас у нас какой год на дворе?

Я поняла, что глупо и бездарно прокололась, и не нашла другого выхода из создавшейся пикантной ситуации, кроме как рассмеяться. Цыпкин на секунду растерялся. Наверное, он ожидал другой реакции на разоблачение, а я, воспользовавшись этим, выхватила у него из руки свое удостоверение. Оно мне еще пригодится, не все же, с кем я общаюсь, столь внимательны.

– Ну хорошо, один-ноль в вашу пользу, – призналась я. – На самом деле я – частный детектив, и меня интересует все, что связано с мебельной фирмой «Нинель», а также ее руководство в лице обоих Вахрушевых. Как вы уже признались мне, Станислав Власович, вы подглядели в окно нечто необычное. Ну, так я вас слушаю...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.